

МАРИНА ГЛАЗОВА

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» ДАНТЕ В ПОЭЗИИ МАНДЕЛЬШТАМА 1930-х ГОДОВ

В статье анализируется влияние Данте на поэзию Осипа Мандельштама. Показывая, что Мандельштам превосходно знал «Божественную комедию», автор прослеживает систему образов и метафор, которые поэт воспринял у Данте. В статье подробно рассмотрена поэтическая трактовка «Рая» и продемонстрировано, что, как и в «Божественной комедии», в позднем творчестве Мандельштама страх и потерянности, ведомые поиском истинного познания, уступают место метафорам света, радости узнавания и сопутствующим им ответственности, покаяния и прощения.

Ключевые слова: поэтика Рая, метафоры света, узнавания, покаяния и прощения.

Предметом данного исследования является система ключевых слов-образов и метафор, воспринятых Мандельштамом у Данте. Опираясь на них, Мандельштам вел непрерывный диалог с Данте — диалог, который не исчерпывался одним лишь творчеством, а продолжался и в самой жизни поэта. Не стремясь описать всю систему дантовских образов у Мандельштама, мы остановимся на одном из наиболее существенных для понимания этой глубокой связи аспекте: поэтическом трактовании *Рая*.

Но сначала скажем несколько слов о силе этого влияния, отмеченного не только исследователями, но теми, кто знал поэта, любил его, дружил с ним. В «Воспоминаниях» Надежды Яковлевны читаем:

© Марина Глазова, 2016

Данная статья представляет собой сокращенную и видоизмененную часть второй главы из книги Марины Глазовой «Разбойник небесного клира: О поэзии Осипа Мандельштама».

...А про Данте О. М. сразу сказал, что это и есть самое главное. С тех пор О. М. уже никогда с ним не расставался и даже дважды брал с собой во внутреннюю тюрьму. Думая о возможном аресте — а об этом думали все, кого я знала — О. М. раздобыл себе «Комедию» маленького формата и всюду таскал ее в кармане — ведь людей арестовывали не только дома, но и на улице, и в учреждениях, а иногда специально вызывали куда-нибудь, чтобы оттуда забрать навеки вечные. <...> Случилось, что одновременно с О. М., не сговариваясь, Данте стала читать и Анна Андреевна [Ахматова]. Когда это выяснилось, она прочла ему наизусть отрывок из «La Divina Commedia», и О. М. разволновался чуть не до слез, что слышит эти строки от Анны Андреевны, ее голосом, который он так любил... [5, с. 246–247].

Читаем и у Ахматовой в ее воспоминаниях о Мандельштаме «Листки из дневника» о том, как в 1933 году Мандельштам, «только что выучивший итальянский язык и бредивший Дантом», читал ей «Божественную Комедию» страницами наизусть [1, с. 18–19]:

...Он только что выучил итальянский язык и бредил Дантом. «Божественную комедию» читал наизусть страницами. Мы стали говорить о «Чистилище», и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче):

Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apparve, sotto verde manto,
Vestita di color di fiamma viva...

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ, и в платье огне-алом...

(Пер. М. Лозинского)

Однако о чтении Мандельштамом Данте на итальянском языке еще в конце 10-х — начале 20-х годов мы знаем по воспоминаниям Волошина, которому Мандельштам, одолживший у того ранее книгу и еще не вернувший ее, но пожелавший возобновить свое чтение, находясь у Волошина в то время в гостях, заявляет: «Но ведь хорошая библиотека не может быть без “Divina Commedia” в оригинале...» [2, с. 113–115].

О чтении Данте в оригинале читаем и у Сергея Рудакова в его воронежских письмах к жене:

Вчера... он вслух читал Данта. Во-первых, здорово, а вторых, он без словаря переводит труднейшие места. Смотрели по подстрочному изданию (*письмо от 6 августа 1935*) [7, с. 83].

...А затем читали с ним по-итальянски XI песнь «Чистилица» Данте — он читал по одной книге, я по другой. Он делал замечательный глубочайший перевод, в то же время объясняя грамматические формы и фонетику, я вникал и, может быть, зачитаю по-итальянски. Главное же — близость его «толкования» его стихам. Это похоже в филологическом смысле на отсебятину, но очень своеобразную, глубочайшую — если понять, присмотреться...

(*письмо от 31 января 1936*) [7, с. 133].

И Наталья Евгеньевна Штемпель свидетельствует:

Помимо своих стихов, Осип Эмильевич часто читал мне стихи любимых поэтов: Данте, Петрарку, Клейста. Я не знала языка, но впечатление было непередаваемое: изумительный голос поэта, его манера чтения и музыка стихов создавали иллюзию полного понимания текста [8, с. 26].

О новом прочтении дантовской «Комедии» Мандельштамом в тридцатые годы пишет Леонид Ефимович Пинский:

Мысль Мандельштама, плод глубокого переживания от заново прочитанной «Комедии», развивается одновременно в нескольких планах — дантологическом, общетеоретическом, программно личном.

Прежде всего это новый разговор о Данте, новый подход, в принципе отличный от академического, к постижению поэтичности «Комедии» [6, с. 60].

И в стихах, и в прозе 30-х годов Мандельштам, при описании своего внутреннего состояния и, таким образом, своего жизненного пути, выступает своеобразным продолжателем Данте. Средневековый поэт Данте, создавая свою «Божественную Комедию» в изгнании, представляет себя во всех ее трех мирах скорее как посетителя, у которого в Аду и в Чистилище проводником оказывается Вергилий, а в Раю — Беатриче. Поэт же 20-го века Мандельштам — «*Сам себе немил, неведом — / и слепой и поводырь...*» [5, Т3, с. 109] — оказывается реальным заключенным в намертво закупоренном сталинском исчадии Ада, из

которого он ищет выход с не меньшим, чем у Данте, упорством, проходя через свое собственное Чистилище, то обретая, то теряя свой собственный Рай, ощущает, как и Данте, свою ответственность за тот выбор, который привел его в темный Дантовский лес.

В «Божественной комедии» Данте мы обнаруживаем два подхода к видению вселенной — антропоцентрический и теоцентрический, равно как и два райских мира — Земной и Небесный. В своем путешествии по всем трем мирам «Комедии» Данте узнает, что центр Небесного Рая является неизменным средоточием вселенной, ее сердцевиной, а Земной Рай, расположенный на вершине горы Чистилища, центром творения, поскольку он отражает божественный промысел по отношению к человеку, пока тот живет на земле. В пределах же божественной иерархии центр Небесного Рая является первичным и наивысшим. Вселенная Данте наделена этой внутренней иерархией, чтобы функционировать в гармонии, мире и благоденствии.

Согласно концепции Данте, любая сотворенная сущность вторична и добра по своей изначальной природе, но, стоит ей посчитать себя первичной, она превращается в зло. Пример — прекраснейший из ангелов, носитель света Люцифер, который, в стремлении уравнять себя с Творцом, теряет свой ангельский облик и, образовав при падении с Райских небес адскую воронку в Земле, достигшую ее центра, в ней застревает (А. XXXIV). Подобным же образом, стоит и человеку посмотреть на себя, на Землю и на все земное как на первичное, а не вторичное благо, как он деградирует и оказывается принадлежностью адского мира (Ч. XXXII).

Потеряв прямой путь (*la diritta via*) и очутившись в темном лесу (*una selva oscura*, А. I, 1–3), который оказывается лесом ошибок человека и его заблуждений, Данте продолжает свое многотрудное путешествие по Аду, Чистилищу и Небесному Раю. Странствуя, однако, по этим мирам, Данте постоянно испытывает растерянность и смущение, потерю внутренней ориентации, страх, колебания и смену позиций между ответами «да» и «нет» (*si* и *no*) наряду с неизменным желанием отыскать выход из Ада и затем продолжить свой путь к высшему свету Небесного Рая (А. VIII, 109–111; X, 94–96; XI, 76–78; Ч. X, 58–63; XV, 60; XXXI, 124–126). На помощь Данте, полностью потерявшему ориентацию, приходят Вергилий (разум) и Беатриче (откровение, вера). И только в конце своего паломничества поэт, находящийся в Небесном Раю и подготовленный, наконец, к свободному интеллектуально-духовному созерцанию Творца-Триединого Бога, остается один на один с высшим светом, исходящим из истинного центра мира — светящейся Точки — Троицы.

Те же темы дантовского страха, потерянности и метаний между ответами «да» и «нет» проходят и через стихи Мандельштама 30-х годов. Они причиняли беспокойство поэту и ранее:

...Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу.

Спасибо за то, что было:

Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.

Эра звенела, как шар золотой,

Полная, литая, никем не поддерживаемая,

На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет»...

(«Нашедший подкову», 1923) [5, Т2, с. 44]

Называя Данте «колебателем смысла» («Разговор о Данте» [5, Т3, с. 235]), Мандельштам таким образом характеризует и себя самого. Он постоянно разыгрывает то или иное понятие или выбранный им поэтический образ, определяя связанное с ними слово как «пучок» смыслов: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны...» [5, Т3, с. 226].

Но в отличие от Данте, Мандельштам не дает единой картины вселенной. У Данте «ось мира» — яркий луч света, исходящий из истинного центра мира — Точки высшего света Небесного Рая — является несотворенной, совершенной и неизменной сущностью всей вселенной. У Мандельштама «ось мира» — «ось земная» — также является истинной осью, составляющей сущность человеческого бытия и бессмертия:

...О, если б и меня когда-нибудь могло

Заставить — сон и смерть минуя —

Стрекало воздуха и летнее тепло

Услышать ось земную, ось земную...

(«Вооруженный зреньем узких ос...», 1937) [5, Т3, с. 121]

Ось эта, однако, может быть сбита и сдвинута:

...Скучно мне: мое прямое

Дело тараторит вкось —

По нему прошло другое,

Надсмеялось, сбило ось.

(«Влез бесенок в мокрой шерстке...», 1937) [5, Т3, с. 110]

...Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось...

(«Ода», 1937) [5, Т3, с. 112]

В «Восьмистишиях» (1933–1935) и в ряде стихов воронежского периода Манделъштам приближается к райскому видению Данте и его стремлению найти источник истинного познания и высшего блага:

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, —
Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.

(«Восьмистишия», 1933–1935) [5, Т3, с. 79–80]

Эти строчки явно пронизаны отголосками Рая «Божественной комедии». Оказываясь в саду Небесного Рая, Данте взирает на вселенную как на огромную книгу и чувствует себя учеником, сдающим экзамены, исцеляющимся от слепоты и обретающим подлинное духовное видение. Так же и Манделъштам обращается к бесконечности как к книге-учебнику и лечебнику, дающему возможность подлинного исцеления и вселенского видения.

Возносясь из Чистилища в Небесный Рай сквозь сферу огня (Р. I, 78–134), Данте видит бьющий вверх яркий луч света (Р. I, 49–84). Этот луч, луч Небесного Рая — ось мира, «сладкий луч» (*lo dolce raggio*), «истинный путь» (*la verace via*), «прямой путь» (*la dirrita via*) — оказывается лучом «благодати, возжигающим истинную любовь» (*lo raggio della grazia, onde s'accende / Verace amore... — Р. X, 82–90*). Он исходит из лучезарной, светящейся Точки (*un Punto*, Р. XXVIII, 16 — XXXIII) Небесного Рая, которая является Точкой высшего света — истинного центра вселенной, центра притяжения любви, правды, справедливости, божественного слова (Р. II, III, IV, XVII, XX, XXII–XXXIII). Сама Точка Троицы состоит из трех ипостасей: божественной власти, высшего знания и первой любви-милосердия (*la divina potestate, la somma sapienza, e'l primo amore*) (А. III, 4–9). Оказавшись в Небесном Раю на самом его верху — в Эмпирее — десятом небе Небесного Рая — и созерцая эту светящуюся, лучезарную Точку, Данте видит три быстро вращающихся круга радужного света, один из которых, словно в зеркале, являет собой человеческий образ (Р. XXXIII, 115–138).

Высший свет Небесного Рая, льющийся из его Точки, сообщает жизнь и мощь всем девяти небесным кругам и вселенной посредством

могущественного інтелектуального імпульса любови и отдаєт им своє наслідє «высшего добра... честного смєха и сладкой игры» (Io sommo ben... onesto riso e dolce gioco...) для того, чтобы человек жил на Земле в благодєнствии, радуясь вечному миру (Ч. XXV, 70–78; XXVIII, 91–96; P. X, 1–81; A. XI, 97–108). Данте воспринимает эту Точку высшего света еще и как узел, увязывающий все бытие воедино, как сосуд с корнями растения, ветви-время которого порождают на земле разделенность. В сопровождении Беатриче Данте поднимается сквозь девять небесных сфер, где обитают души праведных, к Эмпирею — обитатели Бога-Творца. Здесь на место Беатриче вступает св. Бернард Клервоский, который показывает поэту блаженные души и ангелов, непосредственно созерцающих Бога-Творца-дарователя жизни. Эмпирей представляется Данте и как книга с бесчисленными страницами, как озеро света, из которого истекает лучезарная река-луч света (см. выше), как прекрасный сад-амфитеатр, и как желтая сердцевина расцветающей белой розы, лепестками которой являются блаженные души, совершившие свое возвращение к небесным высотам. Высший из лепестков — Дева Мария (P. X, 7–9; XXVIII, 58–60; XXX, 116–126; XXXI, 1–3, 130–142; XXXII, 1–6; XXXIII, 115–120). Над лепестками розы вверх и вниз летают ангелы в образе трудолюбивых пчел, собирающих райскую сладость. Их лица — цвета огня, крылья — золота, одеяния — чистейшего снега (XXXI, 7–21). Сами же блаженные души, которых Данте уже ранее встретил в девяти небесных кругах, узнаны им теперь в силу того, что его глаза оказываются подготовленными для ясного видения и полного понимания. В единении со светящейся Точкой высшего света блаженные души и ангелы представляют собой единство в различии, единое и множественное, жизнь созерцательную и деятельную, молчание и пение, природу и цивилизацию — целокупность, где все противоположности сливаются воедино.

У Мандельштама в стихах 30-х годов мы встречаем эти образы дантовской светящейся Точки как «точки», также являющейся «узлом жизни», как «точки», из которой исходит луч света, как «света-паучка», «луча-паучка», «круга света» или «световой паутины» («Я нынче в паутине световой...», 1937 [5, Т3, с. 115]). Еще в стихотворении раннего сборника «Камень» образ «крестовика-паука» являл собой Казанский собор, спроектированный Воронихиным:

На площадь выбежав, свободен
 Стал колоннады полукруг, –
 И распластался храм Господень,
 Как легкий крестовик-паук...

(1914) [5, Т1, с. 101]

В стихотворении 1937 года Мандельштам сохраняет эту раннюю архитектурную ассоциацию, но подчеркивает дантовскую идею единства и множественности образами «точки», «пучка», «паучка», «световой паутины» или «узла», в котором «мы узнаны», будучи сначала «развязаны» для бытия, а затем, в «сверхжизненном» измерении, «увязаны» снова:

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок (луч-паучок),
Распуская на ребра, их сызна
Собирает в единый пучок...

(1937) [5, Т3, с. 130]

В стихотворениях 30-х годов мандельштамовские образы света, его лучей и «световой паутины» передают ощущение такого таинственного пространства, в котором, как и у Данте, человек может стать частью духовной общины блаженных душ, встретив в ней и узнав всех тех, кого он любил при жизни:

...Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом...

[5, Т3, с. 130]

Увязывая образ лучей «нашей крови» с мотивом узнавания/воспоминания в посмертной встрече с любимыми, Мандельштам бесконечно ценит каждую минуту этого блаженного, райского счастья общения здесь, на Земле, в земной жизни, и страшится разлуки и прощания с ними в приближающейся к нему неминуемой смерти:

...Только здесь на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

То, что я говорю, мне прости...
Тихо-тихо его мне прочти...

[5, Т3, с. 130]

Этот луч света продолжает, однако, вызывать в Мандельштаме неодолимую тягу следования ему в небесном полете для достижения более высокой реальности и новой формы существования — парадоксального самоисчезновения и полного воплощения — участия во всемирной гармонии:

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем...

(1937) [5, Т3, с. 134]

Так и Данте стремился следовать в начале «Комедии» увиденному им лучу, который привел его, прошедшего предварительно Ад и Чистилище, к блаженному, высшему озарению и чувству полного самозабвения в Небесном Раю при созерцании светящейся Точки, ее трех быстро вращающихся кругов радужного высшего света (Р. XXXIII, 76–145) — фокусу настоящего счастья поэта. К подобному же пониманию счастья стремится и Мандельштам, но он может осуществить свою цель, только лишь пройдя, как и Данте, свои испытания. А пока, вслед созерцаемому им лучу, поэт посылает свой «шепот», свою молитву-стихотворение, свое дитя или же горячо любимое им существо, такое, как Беатриче у Данте. Это она встретила Данте наверху Чистилища и повела за собой в световой круг:

...А ты в кругу лучись –
Другого счастья нет –
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

...
И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу...

(«О, как же я хочу...») [5, Т3, с. 134]

У Данте свет — свет познания — самодостаточен, а его луч является единственно верным путем восхождения к нему каждого, кто его жаждет (Р. XXXIII, 124–126). Пребывая в Чистилище, Данте узнает о невозможности какого-либо движения вверх после захода солнца. У путника, который стремится продолжить свой подъем на вершину горы, при отсутствии света ноги прирастают к земле. В ночной

темноте ноги путника обладают энергией лишь для движения на уже достигнутом уровне или же для спуска вниз по ступеням горного склона (Ч. VII, 43–60). Восхождение к свету, требующее истинного стремления, отражено у Мандельштама в том же стихотворении «О, как же я хочу...», где свет и луч зависят от творческой деятельности поэта, который посылает свое стихотворение вслед за лучом, чтобы согреть его, этот луч, и придать ему силу:

... Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могуч
И лепетом согрет

[5, ТЗ, с. 134].

Разрываясь между стремлением «лететь вослед лучу, / где нет меня совсем» и прощальной борьбой за каждый оставшийся миг на земле, Мандельштам начинает воспринимать светящуюся точку — «точку света» — «узел жизни, в котором мы узнаны / И развязаны для бытия» — не только как «точку безумия», точку внечеловеческого понимания и осознания, но и как внутренний моральный центр человеческого сознания — совести человека: «Может быть, это точка безумия, / Может быть, это совесть твоя» (130).

Необходимо отметить, что в стихах Мандельштама нет и общего, структурно-очерченного райского видения, как у Данте в «Комедии», но его жизненное и творческое общение с Данте прослеживается в радостном переживании самого бытия:

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте,
А небо, небо — твой Буонарроти...

(1935) [5, ТЗ, с. 89]

Дантовская тема райской «радости узнаванья» родственных душ прослеживается у Мандельштама и в его описании восторженных встреч истинных друзей-гениев всего многовекового мирового искусства, и тогда Москва превращается в райский город:

...Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.

Он с Моцартом в Москве души не чаёт —
за карий глаз, за воробьиный хмель...

(«Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931)
[5, ТЗ, с. 53–54]

Созерцание «прекрасного», несмотря на весь ужас происходящего в стране, наслаждение поэта от самого труда созидания этого «прекрасного» составляют основу его сладостно-райского поэтического переживания:

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип.
Он наслаждается перечисленьем рыб
И перечит все моря нелепицею злейшей.

И, словно музыкант на десяти цимбалах,
Не уставая рвать повествованья нить,
Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть,
Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.

На языке цикад пренительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси —
Он завирается, с Орландом куралеся,
И содрогается, преображаясь весь.

...

А я люблю его неистовый досуг...

...

Любезный Ариост, быть может, век пройдет —

В одно широкое и братское лазорье
Сольем твою лазурь и наше черноморье.
...И мы бывали там. И мы там пили мед...

(«Ариост», 1933) [5, ТЗ, с. 70–71]

Ощущение душевной противоречивости, характерное для Мандельштама всю его жизнь и усилившееся, по свидетельству Надежды Яковлевны, после ареста 1934 года, когда он даже «перестал заглядывать в своего любимого Данте» [4, с. 107], ведет Мандельштама к глубокой саморефлексии — «самосознанию причин» всего с ним случившегося. И, подобно тому, как тот же Данте, к которому Мандельштам возвращается в своей воронежской ссылке, начинает, благодаря воспоминаниям, навеянными путевыми разговорами со встречными во всех трех мирах Ада, Чистилища и Небесного Рая, понимать, что темный

лес, в котором он заблудился в середине своего жизненного пути, оказывается лесом его собственных ошибок и заблуждений, тупиком его собственной тяги к греху и уступкой ему, ложным выбором, сдачей, так и Мандельштам ставит перед собой вопрос о своей личной ответственности за свой жизненный путь. Он не уходил от этого вопроса и раньше (сборники «Камень», «Tristia», «Стихотворения» 1921–1925 гг.):

...Спасибо за то, что было:
Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете...
(«Нашедший подкову», 1923) [5, Т2, с. 44]

Эта тема личной ответственности поэта и человека за свой жизненный путь сохраняет глубокую значимость в стихах Мандельштама на протяжении всех 30-х годов:

...Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил...
(«Армения», 1930) [5, Т., 37]

Горькой самоироничной тональностью и ощущением стыда и позора пронизаны стихи с преследующей поэта воображаемой сценой соучастия в злодеяниях «шестипалой неправды» и, таким образом, сопричастия злу:

...Грянет ли в двери знакомое: — Ба!
Ты ли, дружище, — какая издевка!
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?..
Были мы люди, а стали людье...
(«Дикая кошка — армянская речь...», 1930) [5, Т3, с. 42]

...Я и сам ведь такой же, кума!
(«Неправда», 1931) [5, Т3, с. 48]

Темы совиновности и личного сопричастия злу переходят у Мандельштама в темы глубокого покаяния и просьбы о прощении:

...Простишь ли ты меня, великолепный брат
И мастер и отец черно-зеленой теми...
(«Как светотени мученик Рембрандт...», 1937) [5, Т3, с. 119]

...Я сердцем виноват...
(«Как дерево и медь — Фаворского полет... ..», 1937) [5, Т3, с. 122]

...То, что я говорю, мне прости...

(«*Может быть, это точка безумия...*», 1937) [5, Т3, с. 130]

Длинной жажды должник виноватый...

(«*Кувшин*», 1937) [5, Т3, с. 133]

Надежда на прощение также помогает Мандельштаму выйти из адского мрака на свет, что ведет к дальнейшему, как и у Данте в Чистилище, многотрудному движению вверх для достижения «счастливого небохранилища» — свободного «дома» Небесного Рая:

...А солнце щурится в крахмальной нищете –

Его прищур спокоен и утешен...

Десятизначные леса — почти что те...

И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен.

(«*В лицо морозу я гляжу один...*», 1937) [5, Т3, с. 110]

Я скажу это начерно, шепотом,

Потому что еще не пора:

Достигается потом и опытом

Безотчетного неба игра.

И под временным небом чистилища

Забываем мы часто о том,

Что счастливое небохранилище —

Раздвижной и прижизненный дом.

(1937) [5, Т3, с. 128]

Надеясь на обретение «счастливого небохранилища», Мандельштам пишет о «зеленом» (цвет его творческой «веры») острове Крит. Данте в своей «Комедии» описывает этот остров как территорию наилучшего царства золотого века истории и истинного творческого труда (А. XIV, 94–120). Откликаясь на дантовское описание острова, Мандельштам освобождается от своих мучительнейших метаний между «да» и «нет» и — с помощью незамутненной, целительной воды, очищающей его память, утверждает, наконец, неуклонное, твердое «да» великому творчеству и самому дару жизни:

Гончарами велик остров синий —

Крит зеленый, — запекся их дар

В землю звонкую: слышишь дельфиньих

Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Расколосась на море и страсть.

Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожженный сосуд.

Это было и пелось, синяя.
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли «моя» и «мое».

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба — случайность,
И вода, говорящая «да».

(1937) [5, Т3, с. 132–133]

Синий цвет радости, пронизывающий стихотворение, напоминает не только синий цвет вселенской радости скрябиновского «Прометея», но и дантовское ликование при выходе из Ада в тот момент, когда перед поэтом открывается картина синего Райского Неба и синего моря, омывающего подножье горы Чистилища (Ч. I).

Дантовская Эвняя — поток доброй памяти реки Земного Рая, становясь райским озером вечности, омолаживает и исцеляет паломника, пьющего ее сладкие целебные воды. Такова и роль целебной воды у Мандельштама:

...И, влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

(«Реймс — Лаон», 1937) [5, Т3, с. 127]

Описание Мандельштамом своей предстоящей разлуки с Землей продолжает перекликаться и в то же самое время разниться с дантовским текстом. В своем Чистилище Мандельштам увидел не только дивную красоту благоухающей, творческой, плодотворной земли райского сада природы, но и надругательство над ее красотой, обездоленность. Ни тирания, ни кровопролитие не помогли адептам

новой религии «светлого будущего человечества» построят Рай на Земле. Изменив лик природы, они голодом и холодом изничтожили и саму природу, и миллионы ни в чем не повинных людей:

...Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани –
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...
(«Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым...», 1933)
[5, ТЗ, с. 73]

Отрыв от Земли связан у Мандельштама, как и у Данте, с огнем. Данте возносится вместе с Беатриче сквозь сферу огня (Р. I, 79–142) к Небесному Раю, оставляя Земной. Мандельштам летит по смертной небесной тропе, окруженный «огнем столетий», «с гурьбой и гуртом» — «миллионами убитых задешево» жертв:

...Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте, –
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей!
...
Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом,
– Я рожден в девяносто втором... –
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.
(«Стихи о неизвестном солдате», 1937)
[5, ТЗ, с. 124, 125]

Две женщины — Мательда и Беатриче (Ч. XXVIII–XXXIII) — помогают Данте в Земном Раю пережить предстоящую ему разлуку с Землей и вырваться на свободу Небесного Рая. И Мандельштам в его прощальных стихах сопровождает две женщины: «неравномерная сладкая походка» одной из которых ассоциируется с прихрамывающей походкой Наталии Евгеньевны Штемпель. Это о ней, воронежской

Беатриче — «Ясной Наташе» — Осип Эмильевич не раз говорил: «Наташа владеет искусством дружбы» [8, с. 24]:

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет — чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода
Для нас — праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

(«Стихи к Н. Штемпель», 1937) [5, Т3, с. 138]

По контрасту с улыбающимися и нарядными дантовскими женщинами — Мательдой и Беатриче — женщины-подруги Мандельштама, готовясь к его реальному смертному часу, смиренно разделяют с ним его «роскошную бедность» и «могучую нищету»:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенный дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит.

(1937) [5, Т3, с. 110]

Как и у Данте, эти женщины способны преодолеть порог между жизнью и смертью. Провожая поэта в последний путь, они встречают его уже в другом мире посмертия (реминисценция Марии Магдалины):

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,

Сопроводжать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.

(«Стихи к Н. Штемпель») [5, Т3, с. 128]

Просветленные строки этого стихотворения заканчиваются, однако, на глубоко щемящей, прощальной, пронзительной ноте:

...И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра только очертанье...
Что было поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И все, что будет, — только обещанье.

Дантовскими мотивами пронизано и прощальное, отчаянное и в то же время глубоко благодарное письмо «нищенки-подруги» поэта, его жены Надежды Яковлевны Мандельштам [4, с. 694–695]:

22/10 (38)

Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша — наша детская с тобой жизнь — какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу?

Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было еще холодно, и я мерзла в своей куртке (так ли нам предстоит мерзнуть: я знаю, как тебе холодно). И я запомнила этот день: я ясно до боли поняла, что эта зима, эти дни, эти беды — это лучшее и последнее счастье, которое выпало на нашу долю.

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой слепой поводырь...

Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и все безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье — и как мы всегда знали, что именно это счастье.

Жизнь долга. Как долго и трудно погибать одному — одной. Для нас ли — неразлучных — эта участь? Мы ли — щенята, дети — ты ли — ангел — ее заслужил? И дальше идет все. Я не знаю ничего. Но я знаю все, и каждый день твой и час, как в бреду, мне очевиден и ясен.

Ты приходил ко мне каждую ночь во сне, и я все спрашивала, что случилось, и ты не отвечал.

Последний сон: я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, где ты.

Проснувшись, сказала Шуре: Ося умер. Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня. Знаешь ли, как люблю. Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу.

Это я — Надя. Где ты?
Прощай. Надя.

Немногим более, чем через два месяца после написания этих прощальных строчек, 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере «Вторая речка» умирает великий поэт Осип Эмильевич Мандельштам. Его тело сбрасывается в ледяную яму сталинского «Inferno».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В данной работе мы не ставили перед собой цели решить вопрос, в какой степени художественное мировоззрение Мандельштама идентифицируется с видением Данте. Исторически значимый разговор двух поэтов, принадлежавших разным эпохам, был трагически оборван. Тем не менее, при чтении стихов Мандельштама 30-х годов нельзя не поразиться его глубокой личной привязанности к дантовскому тексту. Не подлежит сомнению и тот факт, что любовь к Данте и глубокое знание «Божественной комедии» помогли Мандельштаму найти новые обороты поэтического языка для описания своей отчаянной надежды, упорно сопротивляющейся «паучьим правам шести-

палой неправды», которые опутали всю страну и «зеленый, лукавый огонек» ее творчества.

Непросто уловить образы поэтического зова на разговор через века. Гораздо легче выявляются основные ориентиры творческих совпадений и их духовная общность. В «Разговоре о Данте» Мандельштам вспоминает об «уличной» песни «Чистилища», исполняемой на «типичной фламандской дудочке, которая стала живописью только триста лет спустя» [5, Т3, с. 259]. В одном из своих последних стихотворений «Флейты греческой тэта и йота...» (1937 [5, Т3, с. 134–135]) Мандельштам уже отчетливо знает, что ему пришло время подводить итоги — «меру» — всему своему творческому и жизненному пути. Ответ на зов флейты, приглашающей всех поэтов мира на «бесконечный труд» превращений и скрещиваний, оказался для Мандельштама насыщенной, вневременной дружбой с великим средневековым поэтом Данте Алигьери. Постепенно их разговор обрел мощь «охранного» чувства, свидетельствуя о глубокой ответственности художника за судьбы отверженных и гонимых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Листки из дневника (1963) // О. Мандельштам. Собр. соч. в четырех томах. Составители: П. Нерлер, А. Никитаев. — Москва: Арт-Бизнес-Центр. — Т. 1., 1994. — С. 7–28.
2. Волошин М. Воспоминания // Осип Мандельштам и его время. — Москва: Наш дом, 1995. — С. 113–117.
3. Мандельштам Н.Я. Воспоминания / Н.Я. Мандельштам — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова., 1970. — 287 с.
4. Мандельштам Н.Я. Вторая книга / Н.Я. Мандельштам. — Париж: Утса-Press, 1972. — 258 с.
5. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений / Составители: П. Нерлер, А. Никитаев. — Москва: Арт-Бизнес-Центр, Т. 3, 1994. — 516 с.
6. Пинский Л.Е. Послесловие / Л.Е. Пинский. Осип Мандельштам: «Разговор о Данте». — Москва, 1967. — С. 59–70.
7. Рудаков С.Б. О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). Вступ. ст. Тоддеса Е.А., Меца А.Г.; публ. и подгот. текста Ивановой Л.Н., Меца А.Г.; коммент. Меца А.Г., Тоддеса Е.А., Лекманова О.А. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 7–185.
8. Штемпель Н.И. Автобиография (Воспоминания) // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н.Е. Штемпель. — Воронеж, 2008. — С. 88–101.